

Сороховые, роковые,
Военные, пороховые.
Война гуляет по России,
А мы такие молодые...

Эти стихи Давида Самойлова знают и те, кто не знает его поэзии, а может быть, даже имени.

А вот какими молодыми были ушедшие на фронт со студенческой скамьи поэты (которых потом назовут поэтами фронтового поколения), всерьез понимают нынче только их дожившие до конца века друзья и подруги. То есть очень и очень немногие.

А были они чистыми в помыслах; жили напряженной внутренней жизнью — «в надежде славы и добра» — и любили поэзию в себе, а не себя в поэзии. Война предельно обострила их надежды и сделала еще напряженнее поиск ответов на глобальные вопросы, которыми они задавались.

Все это становится понятным, когда читаешь фронтовой дневник Давида Самойлова. (В нем немало записей о Павле Когане, весте о гибели которого тогда дошла до Самойлова, упоминаются и другие друзья — Борис Слуцкий, Сергей Маровчатов, Елена Ржевская.) Дневники Самойлова (а он их вел всю жизнь) — гиперреалистический автопортрет на фоне эпохи. Они писались не для того, чтобы кто-то потом прочитал и восхитился (подобно Баратынскому над бумагами Пушкина) недолгим умом автора. Но и не для того писались они, чтобы никогда не попасть на глаза другим людям. В самойловских дневниках не

самокопание, а четко обозначенный пункт внутренней жизни, записи того, что хотелось не забыть, что могло пригодиться для будущих стихов, пьес или даже романа (замысел, оставшийся не воплощенным).

Удивительная зрелость чувств и ума 22–24-летнего человека, тогда еще поэта больше в потенции, чем в строчках... Вообще Самойлов всегда казался старше своего возраста. За 69 лет он прожил больше (наверное, потому, что глубже) многих долгожителей.

1 июня ему исполнилось бы 80. Очень не хватает нашей нынешней литературе такого блестящего мастера, а «общественной жизни» — такого граждански бескомпромиссного фронтовика, имеющего право на полноту высказывания.

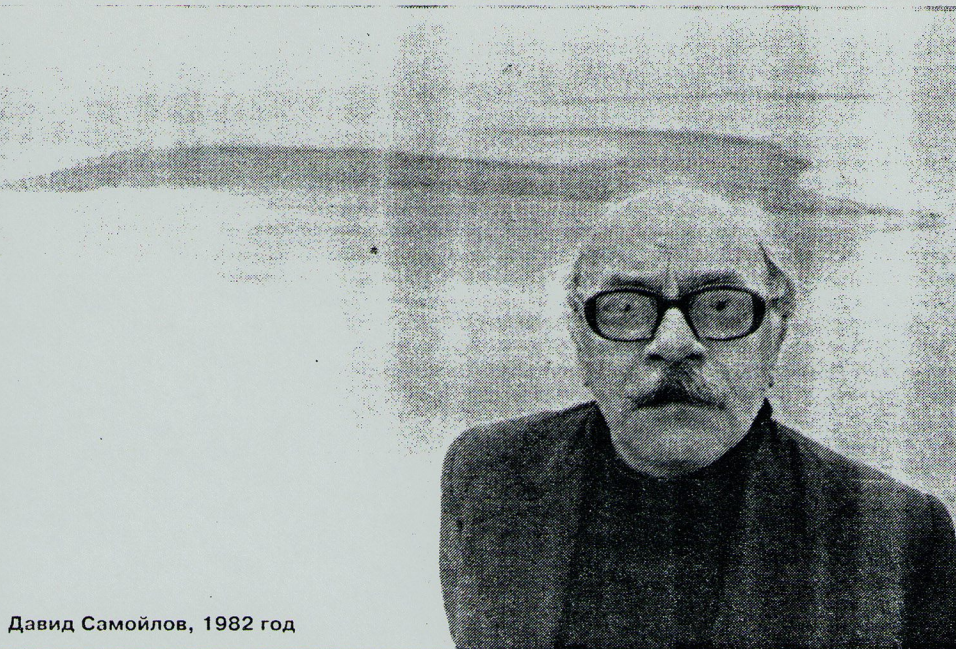
Мне повезло больше многих других — я близко знал Давида Самойлова последние десять лет его жизни. И точность слов Экзюпери о роскоши человеческого общения прочувствовал именно благодаря ему.

Сейчас, читая дневники Самойлова, я снова испытываю радость откровенного и сущностного разговора с умным, добрым и близким человеком.

• Олег ХЛЕБНИКОВ

Вдова поэта Галина Медведева, помимо дневника, предоставила «Новой газете» неопубликованные стихи Давида Самойлова. Предлагаем вашему вниманию два стихотворения, разделенные децатью годами.

Фото Александра КИРЗЕВА

Давид Самойлов, 1982 год

«СПОКОЕН, ИБО ДУША ЧИСТА»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДАВИД САМОЙЛОВ

Новая газ. - 2000 - 29 мая - 4 колония - 0.21

ИЗ ДНЕВНИКОВ ВОЕННЫХ ЛЕТ

1942

15.VIII. У солдата нет возраста. Мы подстрижены, как школьники. Сорокалетние люди ссорятся из-за места, из-за еды, из-за кустиков и вздрагивают при окрике мальчишкелейтенанта. Они лгут, как дети, и воруют друг у друга мелочи. Возраст появляется с чином.

16.VII. ...Мы предлагаем за счастье самую дорогую цену — жизнь. Может быть, мы уплатим эту цену, не получив ничего. Личный довод в пользу того, что устройство мира не имеет ничего общего с коммерцией.

Родина? Она стала нашей судьбой. Мы думаем о себе; это и есть мысли о родине.

18.VIII. ...Утром мы узнали о посещении Черчилля. Многие это ободряет.

На час позже нам приказали чистить оружие. Мол, будет батальонная проверка. Зачем эта комедия? Мы знали, о чем идет речь. Мы даже не переглянулись. И так, фронт.

19.VIII. Эшелон. Мечтаем загнать белье, чтобы купить фрукты.

23.VIII. Уже пахнет Русью. Облака. Прохлада. Но вокруг еще степь. Мы беспечны и не думаем о том, что будет завтра. Нас хорошо кормят. Дыни, арбузы мы меняем на портянки. Что еще?

26.VIII. Мы едем медленно. Но, несмотря на это, контраст разительный. Ночью мы дрожим в наших байковых шинелях. На питательных пунктах кормят обильно, но они редки. Едим сухари и сухую рыбу. Население встречает нас дружелюбно, но табачок врозь. Дерут с нас неизменно за хлеб и молоко. Впрочем, и у них ничего нет. Кроме... денег.

5.IX. Вот мы в хвойном лесу. Место формирования. Волховский фронт. Нам объявили: нас посылают прорывать немецкую оборону вокруг Ленинграда. Видимо, большинство из нас погибнет.

Я спокоен, ибо душа чиста.

13.IX. Прибыл на передовую. Назначен рядовым в пулсчет сержанта Кабанова.

20.IX. Неделя на передовой. 600–800 метров — немцы. Сплю тут же у пулемета. Время идет от еды до еды, от обстрела до обстрела.

22.X. Уже более месяца я на передовой. Живу как простой солдат. Каждый день я могу умереть. Но эта мысль уже привычна. Она не трогает. У меня появились замашки жителя блиндажей. Часто спрашиваю себя: я ли это? Вчера выпал первый мокрый снежок. Улетают гуси.

16.XII. ...Мл. лейтенант обладал вместе с рядом достоинств чисто русским недостатком — неумением связывать слова.

— Под каким прицелом работает пулемет?

Нужно было отвечать: «Под прицелом отдачи пороховых газов и возвратной пружиной».

Так, а не иначе.

1943

14.VI. Очень легко изображать неудачных политиков и побитых генералов дураками. Задача состоит в том, чтобы показать, что никакой ум, никакие таланты ничего не стоят, если политик антинароден, а генерал не считается с обстоятельствами.

Бежать по горячему следу,
Писать по горячему спору,
Увы — не умею.
Вот скоро отсюда уеду,
Уеду, наверное, скоро.
И многое уразумею.

И вот, когда снова прибуду,
Отправлюсь я в Бугу,
Там есть ресторанный

Ему лет за триста.
Там кормят особенно вкусно,
Там славяно и чисто.

И некий веселый пройдоха
Поет безыскусно
В том старом подвале.
И тихо бренчит на рояле.

Так нужно писать о Гамелене, о Деладе.

16.VI. ...Вспоминается Павка. Весь угловатый, худощавый. Темные прямые волосы углом свисают над умным лбом; остренький хохолок на затылке, густые черные брови. Он сдвигает их, когда недоволен. Глаза карие, неувлажненные; не выпуклые и не добродушные, как у большинства близких. Он чуть прищуривается, когда разглядывает дальние предметы и когда читает стихи.

Линия узкая с резкими чертами. Нос с горбинкой, подвижный рот и вокруг него глубокие складочки.

Роста он среднего. Фигура жилистая, костистая, мальчишеская, точно вся в острых углах. Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал.

Не могу рассказать день за днем историю нашей дружбы. Мало помню подлинных Павкиных слов. Голос помню. Громкий, резковатый, срывающийся на высоких нотах; всегда спорящий, негодующий, читающий стихи голос. Громкий смех, неожиданный и отрывистый. Любил петь, но слуха был лишен. Музыкален был по-блоковски — изнутри. И когда пел, то казалось странным — так громко, энергично и убежденно пел.

Это все помню. А слова, поступки, разговоры — только

отрывками. Потому что жили вместе. Многие его мысли, слова, поступки стали общими, моими, преобразились, сделались другими словами.

Тогда складывались убеждения. Он первый часто угадывал трепетание новых идей и новых чувств. Другие подхватывали. Формулировали для себя. Потом забывали, кто первый это придумал. Да это было неважно. Каждый вносил свое. Результат был общий, наш. И мы гордились друг другом и тем, что мы были вместе. Никто не настаивал на авторстве.

Поэтому, наверное, так немного запомнилось фраз, выражений. Но в том, чем мы теперь живем, очень много Павкиного. Не помню, кто первый сказал: «Мы — поколение сорокового года».

Это было после Финской войны и с тех пор стало термином, обозначающим «нас».

22.VI. Мы не были сентиментальны. Атмосфера неясных чувств, разговоры взглядами и вздохами, рефлексия — было то, что нам уже надоело. Мы искали ясности. Но грубость «морских волков» считалась дурным тоном. Павел говорил: «Я не боюсь быть сентиментальным». И был мил с друзьями. Мы цело-

Давид Самойлов, 1942 год

вались при встречах и расставаниях. Это было искренне, хотя Слуцкий морщился.

Никто не знает, как жестоки мы были к своим стихам и как это закаляло наши характеры.

2.VII. Снова томительное ожидание писем. И тоска, от которой опускаются руки.

Все-таки хочется друзей и чего-то домашнего. А особенно такого: сесть в кресло, закрыть глаза ото всех и писать, вскакивая и бормоча строчки.

Мне легче думается на людях. Но писать — для этого требуется одиночество.

А груст иногда и не нужен,
Как негруг незваный.

1962

Письма-голуби улетают
И не возвращаются назад.
Или мне не отвечают,
Или выбыл адресат.

Выбывают адресаты,
Выбывают из Москвы,
Выбывают супостаты
Корни выросшей травы.

Не приходят письма-голуби
Из разбитых голубятен.
А когда-то были молоды.
Путь обратно невозвратен.

1987

6.VII. ...Те, кто умеет видеть в людях одно корыстолюбие, а во времени — одну жестокость, не знают для искусства иных путей, кроме изображения страшного. Что бы они сказали, если бы жили во времена Возрождения? И там среди людей господствовали ложь, разврат, корысть, и там свирепствовали войны, заговоры, убийства.

Искусство строилось не на этом. Оно вдруг опутало простор творческой свободы, энергию, политическую страсть. Как бы ни было порочно человечество, его пороки были несравненно слабее его свободы.

11.VII. Вчерашние пожелали девушки и сегоднешние — женщины. Нет. Вчера слаще. К ним не применивается никакая горечь, никакие протесты совети. Пусть она считает меня idiotом — я не пошел дальше.

17.VII. У меня характер мономана. Любовь мешает мне творить, творчество мешает любить. Я должен быть увлечен совершенно. Иначе ничего не получается.

...Быт маленького городка. Здесь достаточно пройтись с девушкой, чтобы проследить ее любовником. Может быть, чтобы стать им.

Но в конечном счете вся эта болтовня — от скуки. Никакого римского падения нравов нет. Просто бабья тоска по мужчинам.

11.VIII. Свердловск. Девятого выбыл из госпиталя, провожаемый напутствиями доброго старика Я. Я. И., грустью А. Н. и неподдельными слезами Петра Срослова.

В. Т-ва позаботилась обо мне как сестра. Не думаю, чтобы она меня любила. Видно, есть в них, в женщинах, такое инстинктивное желание заботиться о мужчине.

Пятюк носовых платков, воротнички, клубочек ниток и куча снеди, запиханные в мой мешок с таким радушием, что я не смел отказать. Я уез-

жал, думая о ней и не чувствуя одиночества, с теплотой в сердце, но без тоски.

Вчера толчая и скука пересылки. В грязном клубе вползали спать солдаты и новобранцы. Какой-то сукин сын надрезал мой мешок. Мы с внезапным приятелем-хохлом вышли во двор. Легли на лавках. Я заснул. Впрочем, со спокойной душой.

12.VIII. ...Спокоен, ибо вновь свободен, как птица. И все мое имущество — солдатский мешок.

Вновь матеряются солдаты
Со скуки и от тоски,
Усатые и рыжеватые
Российские мужики.

Совершенно новенький лейтенант. Он еще весь шуршит и поскрипывает.

15.VIII. ...Война все спешит. Обманул — спешит, украл — спешит.

Врете! Как был ты сукин сын, так и останешься. Ничего она не спешит.

17.VI. Горький. Опять солдаты слова,
Что живы будем —

не помрем.
Опять записаны права
Скрипучим писарским пером.

Опять походка рядовых,
И черная людская лава,
И в этих муках родовых
В грязи рогившая слава.

Ночной вокзал. Редкие огни. Крутая перспектива черных составов. Лиловая мгла и лиловый дым маневровых паровозов.

Моя любовь, моя надежда!
Прости во что бы то
ни стало,
Что я любил тебя небрежно:
Что дорожил тобою мало.

● Публикация
Г. МЕДВЕДЕВОЙ
(Окончание в № 21(Д))